УДК 159.923 DOI 10.31429/26190567-27-2-55-68

НАПРАВЛЕННОСТЬ И МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНАЯ СФЕРА КАК ЛИЧНОСТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕМПОРАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ПЕРЕЖИТОГО КРИЗИСНОГО СОБЫТИЯ

Б. А. Ясько, Е. Р. Миронова, И. О. Дорохова

Ясько Бэла Аслановна
Эл. почта: shabela-1@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6847-112X.

Миронова Елена Рубеновна
Эл. почта: jelenamironova@rambler.ru. ORCID 0009-0002-8424-7942.

Дорохова Ирина Олеговна
Эл. почта: 1-dorohova@mail.ru. ORCID 0009-0009-8847-8298.

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальная психологическая проблема трансформации мотивационно-потребностной сферы личности под влиянием экстремального и кризисного опыта. Подчеркивается, что в условиях глобальной нестабильности пережитое кризисное событие выступает не только как деструктивный фактор, но и как мощная детерминанта, запускающая глубокую перестройку всей структуры личности. Научная новизна исследования заключается в изучении временно́й дистанции как ключевого фактора, определяющего качественные изменения в иерархии мотивов и потребностей человека по мере удаления от эпицентра кризиса. Теоретический базис работы объединяет классические подходы отечественной психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев) и современные зарубежные концепции, такие как теория самодетерминации (R. Ryan) и концепция посттравматического роста (R. Tedeschi, L. Calhoun). В исследовании приняли участие 195 респондентов (медицинский персонал и студенты), распределенные по четырем темпоральным группам в зависимости от времени, прошедшего с момента пережитого кризиса. Для диагностики параметров мотивационной сферы использованы методики В. Э. Мильмана и В. Смекала — М. Кучера. Анализ эмпирических данных позволил дифференцировать четыре выраженных кластера, отражающих стадийность трансформации направленности и мотивационной сферы респондентов. Первый кластер (острый кризис) характеризуется выраженной направленностью на себя, значительным доминированием потребительных мотивов (безопасность, комфорт) и подавлением развивающей активности. Второй кластер (недавно пережитый кризис) сохраняет выраженную направленность на себя при некотором снижении регрессивных тенденций в мотивационном профиле. Третий кластер (дистанция 3–12 месяцев) демонстрирует смещение вектора на взаимодействие, где пиковым показателем становится потребность в общении и социальной поддержке. Четвертый кластер (дистанция более года) отражает прогрессивную трансформацию: ведущей становится направленность на задачу, активизируются мотивы творческой активности и социальной полезности, что свидетельствует об успешной интеграции травматического опыта. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных для разработки адресных программ пролонгированной психологической помощи. Понимание того, как именно со временем меняются психологические ресурсы совладания, позволит специалистам более эффективно поддерживать личность на разных этапах посткризисного восстановления.

Ключевые слова: кризисные события, темпоральные характеристики, мотивационная сфера личности, потребительная мотивация, развивающая мотивация, направленность личности, трансформации направленности и мотивационно-потребностной сферы личности.

Для цитирования: Ясько Б. А., Миронова Е. Р., Дорохова И. О. Направленность и мотивационно-потребностная сфера как личностные образования в темпоральном контексте пережитого кризисного события. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2026. Т. 27. № 2. С. 55–68.

Введение

В условиях нарастающей глобальной нестабильности, череды социальных и техногенных кризисов проблема трансформации личности под влиянием экстремального опыта становится одной из центральных для современной психологии. Пережитое кризисное событие выступает не просто как точка боли, а как детерминанта, запускающая глубокую перестройку личности, ее отдельных подструктур. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понять, как именно трансформируются цели, ценности, мотивы, потребности и нужды человека по мере удаления во времени от эпицентра кризисного события. Научный интерес к временной дистанции продиктован тем, что посткризисный генезис личности не линеен. В психологической науке на сегодняшний день недостаточно научно обоснованных данных о том, какие качественные изменения происходят в структуре мотивов через месяц, год, пять или больше лет после пережитого события.

Мотивационно-потребностная сфера традиционно рассматривается в психологии как ведущая подструктура личности, ее фундамент и «энергетическое ядро», определяющее активность субъекта, задающее вектор его деятельности и регулирующее поведение (Рубиншейн, 2019). Именно потребности и мотивы объясняют, почему человек совершает те или иные поступки в своей жизни, и особенно в переломные, кризисные моменты своей жизни (Асмолов, 2025; Леонтьев, 2019; Heckhausen, Heckhausen, 2018).

Структурно мотивационно-потребностная сфера представляет собой сложное, многоуровневое образование. В неё включены биологические и социальные потребности, мотивы, интересы, влечения, убеждения и идеалы. Мотивационно-потребностная сфера — это динамическая система, постоянно находящаяся в процессе развития. Взаимосвязь её компонентов формирует уникальный психологический профиль человека (Ryan, 2025).

Центральное место в архитектуре мотивации занимает направленность личности как совокупность ее устойчивых мотивов. В трудах Б. Ф. Ломова направленность характеризуется как системообразующее свойство, формирующее весь психический склад личности (Журавлев, Кольцова, 2026). Направленность представляет собой фундаментальный механизм, выступающий внутренним стержнем, определяющим общую жизненную стратегию личности и выбор конкретных поведенческих стратегий в различных жизненных ситуациях, в том числе при столкновении с различными угрозами в кризисные моменты (Кайгородова, 2024).

Изменения мотивационно-потребностной сферы личности в контексте кризиса рассматриваются как процесс адаптивной или дезадаптивной трансформации. Временная дистанция здесь выступает фактором, определяющим степень интеграции травматического опыта в структуру личности.

Зарубежные традиции исследования трансформаций мотивационной сферы личности в контексте кризиса опираются на концепции посттравматического роста и временно́й перспективы. Так, R. Tedeschi, L. Calhoun разработали концепцию посттравматического роста, согласно которой на значительной временной дистанции после кризиса у индивидов наблюдается качественный сдвиг

в мотивационно-потребностной сфере: приоритет материальных и статусных потребностей сменяется потребностью в глубоких межличностных отношениях и духовном развитии. Рост происходит не вопреки, а благодаря борьбе с последствиями кризиса (Tedeschi, Shakespeare-Finch, Taku, 2018). E. Eger в своих работах по исследованию выживших в экстремальных условиях подчеркивает роль выбора в структуре мотивации и отмечает, что временна́я дистанция позволяет трансформировать потребность в безопасности в потребность в самоактуализации и служении, если кризис был осмыслен как опыт освобождения, а не вечного жертвенничества (Eger, 2017). S. Taylor в контексте теории когнитивной адаптации постулирует, что после кризиса (например, тяжелой болезни) личность мотивирована на восстановление чувства контроля и самооценки. В долгосрочной перспективе ведущим мотивом становится поиск преимуществ в произошедшем, что полностью перекраивает иерархию потребностей (Taylor, 2019).

Отечественная психологическая школа рассматривает динамику мотивационно-потребностной сферы индивида под влиянием кризисных ситуаций через призму смыслообразования, деятельности и жизненного пути личности. Для понимания генезиса мотивационной структуры личности важное значение имеют работы Ф. Е. Василюка и его последователей, которые развивают идею о рождении новой ценностной иерархии личности в процессе переживания кризиса. Со временем «энергия» кризиса преобразуется в новые жизненные цели (Карягина, 2019).

В рамках психологии смысла Д. А. Леонтьев, исследуя ресурсы трансформации личности, отмечает, что осмысление кризиса ведет к усложнению ее смысловой структуры (Леонтьев, 2019).

М. Ш. Магомед-Эминов, автор фундаментальных работ по психологии травмы, вводит понятие «трансформация личности в экстремальной ситуации». Согласно его исследованиям, временна́я дистанция не просто лечит, а создает пространство для «работы личности», где мотив выживания сменяется мотивом бытийного утверждения (Магомед-Эминов, 2018).

Н. Е. Харламенкова, развивая подход Н. В. Тарабриной, отмечает динамику структуры потребностей у людей с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) на разных этапах временной дистанции пережитого кризисного события (от острого периода до отдаленных последствий): от потребности в безопасности и избегании триггеров к потребности в социальной реинтеграции (Харламенкова, Никитина, 2023).

Е. В. Битюцкая, исследующая когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций, считает, что восприятие события как вызова через определенное время активирует мотивацию достижения, в то время как восприятие события как угрозы консервирует дефицитарные потребности (Битюцкая, 2023).

Перспективы исследований в данной области могут быть связаны с изучением взаимосвязи различных структурных компонентов мотивационно-потребностной сферы личности и их специфических проявлений на разных этапах переживания кризиса. Понимание механизмов генезиса мотивационно-потребностной сферы личности в контексте переживания жизненных кризисов позволит не только расширить теоретические представления о динамических личностных процессах, но и разработать более адресные программы пролонгированной психологической поддержки, учитывающие специфику удаленного кризисного следа.

Целью данного фрагмента научного исследования выступает анализ динамики структурных компонентов направленности и мотивационно-потребностной сферы личности в зависимости от временной дистанции относительно пережитого кризисного инцидента.

В исследовании проверялась следующая гипотеза: расположенность кризисного события в темпоральном пространстве жизненного пути личности может определять специфику структурных компонентов направленности и мотивационно-потребностной сферы как актуальных ресурсов преодоления трудной жизненной ситуации.

В соответствии с поставленной целью и сформулированной гипотезой решались следующие задачи:

– проанализировать взаимосвязи структурных компонентов направленности и мотивационно-потребностной сферы респондентов, переживших ранее или переживающих в текущем периоде жизни кризисные события;
– установить изменения мотивационно-потребностной сферы личности в контексте временной дистанции пережитого кризисного события.

Организация исследования

В группу испытуемых (n = 195) вошли врачи и средний медицинский персонал лечебных учреждений г. Краснодара, а также студенты выпускных курсов Кубанского государственного медицинского университета. Предыдущие этапы исследования позволили установить временные рамки переживания кризисных событий респондентами. Было выявлено, что у 6,7% опрошенных (13 человек) кризисы произошли несколько лет назад (выборка n_1 «НЛН»). Значительная часть респондентов (31,3%, или 61 человек) пережили кризисные события несколько месяцев назад (выборка n_2 «НМН»). Наибольшая доля (35,9%, 70 человек) указала на недавнее переживание кризисов (выборка n_3 «Недавно»), а более четверти (26,1%, 51 человек) находятся в состоянии кризиса в настоящий момент (выборка n_4 «ТПЖ») (Ясько, Дорохова, 2024).

В рамках данного этапа исследования был продолжен анализ характеристик направленности и мотивационных параметров, которые измерялись у респондентов в исследуемой выборке на предыдущих этапах исследования с применением следующих инструментов:

1) опросника направленности личности (В. Смекал, М. Кучер), позволяющего выявить доминирующие мотивационные тенденции через анализ семантических предпочтений респондента в контексте социально-профессиональных ситуаций; по результатам диагностики определяется преобладающий тип личностной направленности: на себя (НС), на задачу (НЗ) на взаимодействие (НВ) (Рамендик, Д.М., Рамендик М. Г., 2026);
2) методики В. Э. Мильмана «Изучение мотивационной сферы личности», с помощью которой были дифференцированы основные типы мотивации: на потребительную, фокусируемую на удовлетворении насущных потребностей, поддержании безопасности и комфорта (диагностируется через шкалы Жизнеобеспечение (Ж), Комфорт (К), Социальный статус (С), Общение (О), и развивающую (бытийную), направленную на личностный рост, самосовершенствование и экспансию (диагностируется через шкалы Общая активность (Д), Творческая, развивающая активность (ДР), Общественная, социальная полезность (ОД) (Райгородский, 2019).

Обработка эмпирических данных проводилась с использованием методов параметрической статистики (расчёт средних значений (M) и стандартного отклонения (SD), коэффициента линейной корреляции Пирсона (r) и многомерного анализа (кластерный анализ методом K-средних с включением дисперсионного анализа). Все вычисления выполнены в статистическом пакете SPSS-26.

Результаты

В ранее опубликованном исследовании была выявлена устойчивая динамика доминирующих типов направленности в зависимости от темпоральной дистанции пережитых кризисных событий (Ясько, Дорохова, 2026). В частности, как было показано в предыдущем цитируемом нами исследовании, в ситуации относительно недавно пережитого кризисного события актуализируется направленность личности на себя (НС). В группах респондентов n_3 и n_4 средневыборочное значение направленности на себя (НМ) значимо выше, в сравнении с другими видами направленности (для выборки n_4 МНС = 43,6±7,08, МНЗ = 38,3±4,85 и МНВ = 38,8±4,63; для выборки n_3 МНС = 41,1±7,28, МНЗ = 36,6±4,99 и МНВ = 37,0±4,99).

При отдалении кризисных событий во времени (от 3 до 12 месяцев) отмечена активизация потребности личности в социальной поддержке (направленность на взаимодействие). В группе респондентов, переживших кризисы несколько месяцев назад (выборка n_2), средневыборочное значение МНВ = 42,2±7,22 существенно выше других видов направленности: МНЗ = 37,7±4,94 и МНС = 37,2±5,01.

В группе респондентов, переживших кризисные события несколько лет назад (n_1), доминирующим видом направленности выступает направленность на задачу (МНЗ = 53,4±5,91, МНС = 45,1±2,53, МНВ = 45,7±2,29). То есть успешное преодоление последствий кризисного события при существенном его отдалении во времени (более года) меняет вектор направленности личности, переключая ее на продуктивную деятельность (Ясько, Дорохова, 2026).

Также обоснована тенденция к изменениям мотивационных профилей личности по мере отдаления от пережитого кризисного события. В частности, зафиксирован выраженный регрессивный тип мотивационного профиля в выборках n_3 и n_4, о чем свидетельствует соотношение среднегрупповых суммарных значений потребительной мотивации (на уровне 64,0 в обеих выборках) и развивающей мотивации (на уровне 30,0 в обеих выборках). Регрессивные тенденции в мотивационном профиле указывают на актуализацию потребительных мотивов (избегание трудностей, поддержание необходимого уровня физической и психологической безопасности, спокойствия и удобства) и подавление развивающих мотивов у субъекта, переживающего кризис, а также на сохранение данной тенденции в течение некоторого времени и после завершения критического события (до трех месяцев).

Удлинение темпоральной дистанции пережитого кризиса активизирует развивающие мотивы. Первично в структуре мотивации личности актуализируются мотивы восстановления и поддержания социальных связей. В группе респондентов, переживших кризис менее года назад (n_2), пиковой шкалой выступает Общение (О = 18,0±3,1). В последующем, на значительном временном удалении от кризисного события (более одного года), при успешном совладании с последствиями кризиса отмечено усиление развивающих тенденций в мотивационной сфере субъекта, в частности, активизация потребности в общей активности и социальной

Таблица 1. Корреляционная матрица (*r*) взаимосвязей типов направленности и параметров мотивационного профиля респондентов

Table 1. Correlation matrix (r) of interrelations between types of orientation and parameters of the respondents' motivational profile

Направленность	Потребительная мотивация				Развивающая мотивация		
	Ж	К	С	О	Д	ДР	ОД
НС	0,47**	0,43**	0,12	0,09	-0,49**	-0,52**	-0,45**
НВ	0,11	0,10	0,08	0,53**	0,13	0,09	0,12
НЗ	0,07	0,06	0,10	0,09	0,33*	0,49**	0,56**

Примечание: * — $p<0,05$; ** — $p<0,01$.

полезности. Соотношение среднегрупповых суммарных значений потребительной мотивации (ПМ = 50,0±4,66) и развивающей мотивации (РМ = 52,0±4,38) в выборке n_1 соответствует прогрессивному типу мотивационного профиля (Миронова, Дорохова, 2026).

В рамках описываемого в данной статье фрагмента исследования нами был проведен анализ корреляционных взаимосвязей доминирующих типов направленности и параметров мотивационных профилей респондентов в исследуемой выборке с применением статистического коэффициента линейной корреляции Пирсона (*r*) (табл. 1).

Значимые положительные корреляции связывают направленность на себя (НС) и такие потребительные шкалы, как Жизнеобеспечение (Ж, $r = 0,47$, $p < 0,01$) и Комфорт (К, $r = 0,43$, $p < 0,01$). Чем выше ориентация личности на собственные переживания и внутренние состояния (что характерно для острого кризиса), тем более выражены мотивы удовлетворения базовых потребностей в безопасности, физическом и психологическом комфорте. Одновременно НС отрицательно коррелирует со всеми шкалами развивающей мотивации: Общая активность (Д, $r = -0,49$, $p < 0,01$), Творческая активность (ДР, $r = -0,52$, $p < 0,01$), Общественная полезность (ОД, $r = -0,45$, $p < 0,01$). Связи НС со шкалами Социальный статус (С) и Общение (О) статистически незначимы.

Направленность на взаимодействие (НВ) значимо коррелирует со шкалой Общение (О, $r = 0,53$, $p < 0,01$). Это полностью согласуется с теоретической сущностью НВ как стремления к кооперации, поддержанию социальных связей и получению поддержки. Корреляции НВ с другими потребительными (Ж, К, С) и развивающими шкалами (Д, ДР, ОД) статистически незначимы.

Отмечены значимые положительные корреляции направленности на задачу (НЗ) со всеми шкалами развивающей мотивации: Общая активность (Д, $r = 0,33$, $p < 0,05$), Творческая активность (ДР, $r = 0,49$, $p < 0,01$), Общественная полезность (ОД, $r = 0,56$, $p < 0,01$). Связи НЗ с потребительными шкалами (Ж, К, С, О) статистически незначимы.

Полученные корреляционные взаимосвязи между типами направленности и шкалами мотивационного профиля полностью согласуются с ранее описанной темпоральной динамикой доминирующих типов направленности личности (Миронова, Дорохова, 2026).

Таблица 2. Распределение респондентов по кластерам в зависимости от темпоральной группы (число наблюдений)

Table 2. Distribution of respondents by cluster depending on the temporal group (number of observations)

Темпоральная группа	Число наблюдений				
	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Всего
n_1 (несколько лет назад)	0	0	0	13	13
n_2 (несколько месяцев назад)	2	0	58	1	61
n_3 (недавно)	2	68	0	0	70
n_4 (текущий период)	48	2	1	0	51
Всего	52	70	59	14	195

Примечание: валидных наблюдений — 195, пропущенные отсутствуют.

Также был проведен кластерный анализ измерений личностной направленности и параметров мотивационного профиля респондентов. Выделены четыре кластера (табл. 2, 3).

Первый кластер включает 52 респондента, что составляет 26,7% выборки. 48 из 52 респондентов (92,3%) переживают кризисные события в текущий период жизни.

В качестве доминирующей направленности у респондентов в данном кластере выступает направленность на себя (средневыборочное значение МНС = 38,39±3,93 по сравнению с другими видами направленности МНЗ = 26,61±4,92 и МНВ = 25,00±5,41).

Структура мотивационного профиля имеет выраженную регрессивную конфигурацию (ПМ = 65,0±4,13, РМ = 29,71±3,94), характеризующуюся значительным доминированием базовых потребностей в безопасности и комфорте и подавленностью потребностей активности и творчества. Максимальные значения отмечены по шкалам Жизнеобеспечение (Ж = 18,90±4,33) и Комфорт (К = 18,22±4,98). Минимальные значения — по развивающим шкалам Общая активность, Творческая полезность, «социальная полезность» (Д = 9,9±3,71, ДР = 9,8±3,11, ОД =10,01±3,55).

Во *второй кластер* вошли 70 респондентов, что составляет 35,9% от совокупной выборки. Большинство респондентов данной группы (68 из 70, что составляет 97,1%) пережили кризисные события в недавнем прошлом (в период от одного до трех месяцев).

В качестве доминирующей направленности у респондентов в данном кластере также сохраняется направленность на себя (средневыборочное значение МНС = 37,76±5,33 по сравнению с другими видами направленности МНЗ = 26,96±5,02 и МНВ = 25,91±5,07).

Соотношение шкал потребительной и развивающей мотивации (ПМ = 63,76±3,23, РМ = 30,03±3,06) также свидетельствует о регрессивном характере мотивационного профиля. Для респондентов данной группы сохраняются высокие значения потребительских шкал Жизнеобеспечение (Ж = 17,85±4,45), Комфорт (К = 17,95±4,98) при сниженных значениях развивающих шкал (Д = 10,02±3,35, ДР = 10,01±3,33, ОД = 10,0±2,99) в структуре мотивационных профилей. Однако в сравнении с кластером 1 выраженность регрессивных тенденций снижается.

Таблица 3. Средние значения по шкалам направленности и мотивации в выделенных кластерах

Table 3. Average values on the scales of orientation and motivation in the selected clusters

Шкала	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
	M±SD	M±SD	M±SD	M±SD
Ж (Жизнеобеспечение)	18,9±4,33	17,8±4,45	16,1±4,02	13,2±3,99
К (Комфорт)	18,2±4,98	17,9±4,98	16,0±3,88	13,1±3,93
С (Социальный статус)	14,1±5,25	13,9±4,88	14,0±5,22	11,0±3,98
О (Общение)	13,8±4.69	14,1±4.19	17,8±2,98	13,0±3,42
Д (Общая активность)	9,9±3,71	10,02±3,35	14,9±3,67	17,8±4,44
ДР (Творческая активность)	9,8±3,11	10,01±3,33	14,1±3,66	16,0±4,12
ОД (Социальная полезность)	10,0±3,55	10,0±2,99	15,0±4,07	17,9±3,21
ПМ (Потребительная мотивация)	65,0±4,13	63,76±3,23	63,9±3,77	50,3±4,17
РМ (Развивающая мотивация)	29,7±3,94	30,03±3,06	44,0±3,42	51,7±5,08
НС (Направленность на себя)	38,3±3,93	37,1±5,33	24,3±3,57	14,6±4.27
НВ (Направленность на взаимодействие)	25,0±5,41	25,9±5,07	37,0±5,22	22,1±4,51
НЗ (Направленность на задачу)	26,6±4,92	26,9±5,02	28,5±5,48	53,2±6,08

Примечание: центры кластеров рассчитаны на основе средних значений по группам с учётом незначительной внутригрупповой вариативности.

Третий кластер составили 59 человек (30,3% выборки). Среди них большинство (58 из 59, или 98,3%), составляют респонденты, пережившие кризисные события несколько месяцев назад (от 3 до 12 месяцев). В структуре мотивационного профиля респондентов данной группы уровень потребительских шкал Жизнеобеспечение (Ж = 16,1±4,02), Комфорт (К = 16,0±3,88) ниже по сравнению с кластером 1. При этом отмечается пиковое значение по шкале Общение (О = 17,8±2,98). Развивающие шкалы начинают расти (Д = 14,9±3,67, ДР = 14,1±3,66, ОД = 15,0±4,07). Мотивационный профиль остаётся регрессивным (ПМ = 63,9±3,77, РМ = 44,0±3,42), но с акцентом на социальные контакты и признаки восстановления активности. Это подтверждает и смена ведущего вектора направленности: в качестве доминирующей у респондентов данной группы выступает направленность на взаимодействие, на общение (средневыборочное значение МНВ = 37,05±5,22 по сравнению с другими видами направленности МНЗ = 28,58±5,48 и МНС = 24,37±3,57).

Четвертый кластер включает 14 человек (7,2% выборки), большинство из которых (13 респондентов, или 92,9%) пережили кризисные события более года назад. Среднегрупповые значения параметров мотивационного профиля свидетельствуют о его прогрессивной направленности: развивающие шкалы достигают максимума (Д = 17,8±4,44, ОД = 17,9±3,21), потребительские — умеренны и сбалансированны (Ж = 13,2±3,99, К = 13,1±3,93, О = 13,0±3,42, С = 11,0±3,98). В качестве

доминирующей направленности выступает направленность на деятельность, на задачу (МНЗ = 53,23±6,08, против МНВ = 22,15±4,51 и МНС = 14,62±4,27).

Небольшое количество респондентов (8 человек, или 4,1%), попавших в кластеры, не соответствующие их темпоральной группе по времени пережитого кризиса, указывает на индивидуальные особенности переживания кризиса, сложность и нелинейность восстановительных процессов.

Обсуждение

Результаты кластерного анализа позволяют обозначить стадийность изменений мотивационной структуры респондентов при различной темпоральной дистанции пережитых жизненных кризисов.

В фазе активного переживания кризиса, а также в период непосредственного выхода из него фокус мотивационных тенденций субъекта максимально смещается внутрь, концентрируется на собственном Я, анализе внутреннего состояния и поиске скрытых резервов. Такое сужение мотивационного фокуса может выступать защитным механизмом при переживании жизненных кризисов. В иерархии потребностей происходит сдвиг в сторону базовых уровней. Доминирующее положение занимают фундаментальные потребности — стремление к физической и психологической безопасности, а также поиск элементарного комфорта как способа снижения тревоги. Вынужденная фиксация на выживании существенно сужает пространство для реализации высших потребностей. Проявление социальной и творческой активности отходит на второй план или блокируется. Внутренние опоры позволяют сохранить целостность личности под давлением стрессовых факторов, адаптироваться к изменившимся условиям и выработать конструктивные стратегии преодоления, сформировать потенциал для последующего выхода из кризисного состояния.

По мере отдаления кризисных событий во времени (в интервале от 3 до 12 месяцев) личность постепенно выходит из режима выживания и начинает восстанавливать свой адаптационный потенциал. На этом этапе происходит существенная трансформация мотивационной структуры личности: жесткая фиксация на внутренних переживаниях ослабевает, уступая место выраженным социоцентричным тенденциям. Субъект начинает испытывать потребность в выходе за пределы своего внутреннего мира, стремясь вновь обрести устойчивые связи с окружающей действительностью и интегрировать полученный опыт в социальный контекст. Актуализируется социальная потребность — стремление быть принятым, понятым и признанным в социальных группах. Наблюдается активное расширение пространства социальных контактов. Социоцентрическая направленность на активизацию активного диалога с внешним миром становится важным ресурсом поддержки и преодоления кризисных тенденций, негативных последствий стресса.

При условии конструктивного проживания и успешного совладания с последствиями кризиса на этапе значительной временной отдаленности (более одного года) завершаются процессы первичной адаптации и посткризисной реабилитации личности. Мотивационный вектор личности окончательно разворачивается от пассивного сохранения ресурсов к активному созиданию. На этом этапе накопленный опыт преодоления трансформируется в психологический фундамент для качественных изменений в жизни, запуская механизмы посттравматического роста. Центральное место в структуре личности начинают занимать стратегии

активного деятельностного восстановления. Субъект не просто возвращается к докризисному уровню функционирования, но и стремится к расширению границ своих возможностей, поиску новых смыслов и постановке новых целей. Созидательная активность становится основным индикатором полной интеграции кризисного опыта. На этом уровне мотивация субъекта характеризуется стремлением к продуктивности и творческому преобразованию окружающей действительности. Созидательные мотивационные тенденции создают основу и служат ресурсом для последующего устойчивого личностного функционирования и развития.

Выводы

Гипотеза исследования получила подтверждение, о чем свидетельствуют следующие результаты:

1) зафиксированы значимые взаимосвязи структурных компонентов мотивационно-потребностной сферы респондентов, переживших ранее или переживающих в текущем периоде жизни кризисные события:
   – эго-центрическая направленность (НС) сопряжена с актуализацией базовых потребительных мотивов и подавлением развивающих;
   – доминирование направленности на взаимодействие (НВ) подкрепляется мотивами кооперации, поддержания социальных связей, получения поддержки;
   – направленность на задачу (НЗ) усиливается сформированностью параметров развивающей мотивации, отражающих не просто стремление к любой деятельности, а к социально значимой, полезной для других;
2) проведена кластеризация эмпирических данных, выделены четыре группы респондентов, различающихся доминирующими параметрами направленности и мотивационных характеристик;
3) отмечено соответствие выделенных кластеров группам респондентов с различной временно́й дистанцией пережитого кризисного события;
4) обозначен вектор изменений мотивационной сферы и актуализации ресурсов субъекта в соответствии с темпоральной динамикой переживаемых критических периодов:
   – актуальным ресурсом преодоления текущего или недавно пережитого кризисного события для субъекта становится максимальный фокус на себе, своих внутренних переживаниях; мотивационная сфера характеризуется доминированием направленности на себя в сочетании с потребительными мотивами, обеспечивающими удовлетворение базовых потребностей в безопасности, физическом и психологическом комфорте;
   – увеличение темпоральной дистанции пережитого кризиса (в интервале от 3 до 12 месяцев) актуализирует социоцентричные тенденции в мотивационной сфере субъекта; ведущий мотив –стремление к удовлетворению потребностей в общении, взаимодействию, расширению социальных связей; социальное принятие, одобрение, поддержка и понимание со стороны других людей становятся в этот период значимым ресурсом преодоления отдаленных негативных влияний пережитых кризисных событий и последующего выхода из кризиса;
   – на значительной временной дистанции (более года) при условии успешного совладания с последствиями пережитого кризиса происходит реструктуризация мотивационной сферы субъекта, формируется доминирующий вектор

направленности на задачу, создающий условия и возможности для реализации развивающих мотивов, общей, творческой и социально полезной активности.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило структурные изменения направленности и мотивационно-потребностной сферы личности в темпоральной перспективе пережитого кризиса: от максимального сужения фокуса на базовых потребностях в момент переживания кризиса через актуализацию социально ориентированных ресурсов к устойчивым активно-деятельностным новообразованиям мотивационной сферы, свидетельствующим об успешном преодолении последствий кризиса.

Библиографический список

Асмолов, А. Г. (2025). *Психология достоинства: Искусство быть человеком*. Москва: Смысл.

Битюцкая, Е. В., Корнеев, А. А. (2023). Диагностика субъективного оценивания трудных жизненных задач. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 247–279.

Журавлев, А. Л., Кольцова, В. А. (2020). Ломов Борис Федорович. Новатор в психологии: научная и научно-организационная деятельность. В *Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки* (с. 9–44). Москва: Институт психологии РАН.

Кайгородова, А. Е. (2024). Исследование направленности личности как компонента персонифицированного субъекта деятельности. *ИНСАЙТ*, 2(18), 45–52.

Карягина, Т. Д. (2019). Научное наследие Ф. *Е. Василюка*: от психологического консультирования к консультативной психологии. *Культурно-историческая психология*, 15(4), 4–14.

Леонтьев, Д. А. (2019). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. Москва: Смысл.

Магомед-Эминов, М. Ш. (2018). *Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия*. Москва: Институт общегуманитарных исследований.

Миронова, Е. Р., Дорохова, И. О. (2026). Трансформация мотивационного профиля личности во временной перспективе кризисных событий. *Национальное здоровье*, 2, 102–108.

Райгородский, Д. Я. (2019). *Практическая психодиагностика: методики и тесты*. Самара: Бахрах.

Рамендик, Д. М., Рамендик, М. Г. (2026) *Психодиагностика. Практический курс*. Москва: Издательство Юрайт.

Рубинштейн, С. Л. (2019). *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: Питер.

Фетискин, Н. П. (2014). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие*. Саратов: Вузовское образование.

Харламенкова, Н. Е., Никитина, Д. А. (2023). Травматический стресс и его специфика при угрожающем жизни заболевании. *Консультативная психология и психотерапия*, 31(3), 10–27.

Ясько, Б. А., Дорохова, И. О. (2024). Тенденции динамики потребности аффилиации при переживании личностью жизненных кризисов. *Южно-российский журнал социальных наук*, 25(2), 113–125.

Ясько, Б. А., Дорохова, И. О. (2026). Направленность и аффилиативные тенденции личности в темпоральной дистанции переживания жизненных кризисов. *Ярославский педагогический вестник*, 2(149), 188–198.

Eger, E. (2017). *The Choice: Embrace the Possible*. New York: Scribner.

Heckhausen, J., Heckhausen, H. (Eds) (2018). *Motivation and Action* (3rd ed.). New York: Springer.

Nosulenko, V. (2023). Lomov in Modern Interdisciplinary Research. *Психологический журнал*, 44(1), 104–112.

Ryan, R. M., Moller, A. C. (2025). *25 Years of Self-Determination Theory (SDT) Research: Outcomes and Challenges*. New York: Guilford Press.

Taylor, S. E. (2019). Social Support, Responding to Stress, and Cognitive Adaptation. In *The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping* (pp. 159–177). Oxford: Oxford University Press.

Tedeschi, R. G., Shakespeare-Finch, J., Taku, K., Calhoun, L. G. (2018). *Posttraumatic Growth: Theory, Research, and Applications*. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 23.03.2026
Статья принята к публикации 10.06.2026

PERSONALITY ORIENTATION AND THE MOTIVATIONAL-NEED SPHERE AS PERSONALITY FORMATIONS IN THE TEMPORAL CONTEXT OF AN EXPERIENCED CRISIS EVENT

B. A. Yasko, E. R. Mironova, I. O. Dorokhova

Bela A. Yasko
E-mail: shabela-1@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6847–112X.

Elena R. Mironova
E-mail: jelenamironova@rambler.ru. ORCID 0009-0002-8424-7942.

Irina O. Dorokhova
E-mail: 1-dorohova@mail.ru. ORCID 0009-0009-8847-8298.

Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia.

Abstract. This article examines the pressing psychological problem of the transformation of the motivational-need sphere of personality under the influence of extreme and crisis experience. It is emphasized that, under conditions of global instability, a crisis event acts not only as a destructive factor but also as a powerful determinant that triggers a profound restructuring of the entire personality structure. The scientific novelty of the study lies in its examination of temporal distance as a key factor determining qualitative changes in the hierarchy of motives and needs as the distance from the epicenter of the crisis increases. The theoretical framework combines classical approaches in Russian psychology (S. L. Rubinstein, A. G. Asmolov, D. A. Leontiev) with contemporary international concepts, such as self-determination theory (R. Ryan) and the concept of post-traumatic growth (R. Tedeschi, L. Calhoun). The study involved 195 respondents (medical staff and students), assigned to four temporal groups according to the time elapsed since the crisis. The methods of V. E. Milman and of V. Smekal and M. Kuchera were used to assess motivational parameters. Analysis of the empirical data made it possible to identify four distinct clusters reflecting the staged transformation of the respondents' orientation and motivational sphere. The first cluster (acute crisis) is characterized by pronounced self-orientation, a marked dominance of consumer motives (safety, comfort), and suppression of developmental activity. The second cluster (recently experienced crisis) retains pronounced self-orientation, with some reduction in regressive tendencies in the motivational profile. The third cluster (3–12 months) demonstrates a shift in vector toward interaction, with the need for communication and social support reaching its peak. The fourth cluster (more than one year) reflects a progressive transformation: task orientation becomes dominant, and motives for creative activity and social usefulness are activated, indicating successful integration of the traumatic experience. The practical significance of the study lies in the potential use of the findings to develop targeted programs of long-term psychological assistance. Understanding how psychological coping resources change over time will enable specialists to support individuals more effectively at different stages of post-crisis recovery.

Keywords: crisis events, temporal characteristics, motivational sphere of personality, consumer motivation, developmental motivation, personality orientation, transformations in orientation and motivational-need sphere of personality.

For citation: Yasko B. A., Mironova E. R., Dorokhova I. O. Personality Orientation and the Motivational-Need Sphere as Personality Formations in the Temporal Context of an Experienced Crisis Event. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2026. Vol. 27. No 2. Pp. 55–68.

References

Asmolov, A. G. (2025). *Psikhologiya dostoinstva: Iskusstvo byt' chelovekom* [Psychology of Dignity: The Art of Being Human]. Moskva: Smysl.

Bityutskaya, E. V., Korneev, A. A. (2023). Diagnostika sub''ektivnogo otsenivaniya trudnykh zhiznennykh zadach [Diagnostics of Subjective Appraisal of Difficult Life Tasks]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology], 1, 247–279.

Zhuravlev, A. L., Kol'tsova, V. A. (2020). Lomov Boris Fedorovich. Novator v psikhologii: nauchnaya i nauchno-organizatsionnaya deyatel'nost' [Boris Fyodorovich Lomov: An Innovator in Psychology — His Scholarly and Scientific-Organizational Contributions]. In *Vydayushchiesya uchenye Instituta psikhologii RAN: Biograficheskie ocherki* [Distinguished Scholars of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences: Biographical Sketches] (pp. 9–44). Moskva: Institut psikhologii RAN.

Kaigorodova, A. E. (2024). Issledovanie napravlennosti lichnosti kak komponenta personifitsirovannogo sub''ekta deyatel'nosti [The Study of the Personality Orientation as a Component of a Personified Subject of Activity]. *INSAIT* [INSIGHT], 2(18), 45–52.

Karyagina, T. D. (2019). Nauchnoe nasledie F. *E. Vasilyuka: ot psikhologicheskogo konsul'tirovaniya k konsul'tativnoi psikhologii* [Scientific Heritage of F. Ye. Vasilyuk: From Psychological Counseling to Counseling Psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 15(4), 4–14.

Leont'ev, D. A. (2019). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [The Psychology of Meaning: The Nature, Structure, and Dynamics of the Reality of Meaning]. Moskva: Smysl.

Magomed-Ehminov, M. Sh. (2018). *Pozitivnaya psikhologiya cheloveka. Ot psikhologii sub''ekta k psikhologii bytiya* [Positive Psychology of the Human Person: From the Psychology of the Subject to the Psychology of Being]. Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovanii.

Mironova, E. R., Dorokhova, I. O. (2026). Transformatsiya motivatsionnogo profilya lichnosti vo vremennoi perspektive krizisnykh sobytii [Transformation of a Person's Motivational Profile in The Time Perspective of Crisis Events]. *Natsional'noe zdorov'e* [National Health], 2, 102–108.

Raigorodskii, D. Ya. (2019). *Prakticheskaya psikhodiagnostika: metodiki i testy* [Practical Psychodiagnostics: Methods and Tests]. Samara: Bakhrakh.

Ramendik, D. M. Ramendik, M. G. (2026). *Psikhodiagnostika. Prakticheskii kurs* [Psychodiagnostics: A Practical Course]. Moskva: Izdatel'stvo Yurait.

Rubinshtein, S. L. (2019). *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Sankt-Peterburg: Piter.

Fetiskin, N. P. (2014). *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp: uchebnoe posobie* [Socio-Psychological Assessment of Personality and Small-Group Development: A Textbook]. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie.

Kharlamenkova, N. E., Nikitina, D. A. (2023). Travmaticheskii stress i ego spetsifika pri ugrozhayushchem zhizni zabolevanii [Traumatic Stress and Its Specificity in Life-Threatening Disease]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 31(3), 10–27.

Yas'ko, B. A., Dorokhova, I. O. (2024). Tendentsii dinamiki potrebnosti affiliatsii pri perezhivanii lichnost'yu zhiznennykh krizisov [Trends in The Dynamics of the Need for Affiliation in Individuals Experiencing Acute Life Crises]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 25(2), 113–125.

Yas'ko, B. A., Dorokhova, I. O. (2026). Napravlennost' i affiliativnye tendentsii lichnosti v temporal'noi distantsii perezhivaniya zhiznennykh krizisov [Orientation and Affiliation Tendencies of a Person in The Temporal Distance of Experiencing Life Crises]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2(149), 188–198.

Eger, E. (2017). *The Choice: Embrace the Possible*. New York: Scribner.

Heckhausen, J., Heckhausen, H. (Eds) (2018). *Motivation and Action* (3rd ed.). New York: Springer.

Nosulenko, V. (2023). Lomov in Modern Interdisciplinary Research. *Psychological Journal*, 44(1), 104–112.

Ryan, R. M., Moller, A. C. (2025). *25 Years of Self-Determination Theory (SDT) Research: Outcomes and Challenges*. New York: Guilford Press.

Taylor, S. E. (2019). Social Support, Responding to Stress, and Cognitive Adaptation. In *The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping* (pp. 159–177). Oxford: Oxford University Press.

Tedeschi, R. G., Shakespeare-Finch, J., Taku, K., Calhoun, L. G. (2018). *Posttraumatic Growth: Theory, Research, and Applications*. New York: Routledge.

Received 13.03.2026
Accepted 10.06.2026

© 2026 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license — https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/